

№ 1 (24)
2016

*Субботинская
районная газета*

БК

Научный
журнал

ISSN 2224-0543

Лопашенко Н.А. – доктор юридических наук, профессор (г. Саратов)

Пудовочкин Ю.Е. – доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Репецкая А.Л. – доктор юридических наук, профессор (г. Иркутск)

Романова Л.И. – доктор юридических наук, профессор (г. Владивосток)

Щерба С.П. – доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Редакционная коллегия

Баев О.Я. – доктор юридических наук, профессор (г. Воронеж)

Бойко А.И. – доктор юридических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону)

Володина Л.М. – доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Дубровин В.В. – кандидат юридических наук (г. Москва)

Кибальник А.Г. – доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь)

Комаров И.М. – доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Кондратенко З.К.
Наложение ареста на имущество как мера государственного принуждения, ограничивающая право частной собственности 74

Росинский С.Б.
Методологические проблемы доказывания в состязательном уголовном процессе 79

Сильнов М.А., Некрасов С.В.
Вопросы познания в уголовном процессе с использованием доказательств и толкования правовых норм 93

Слифин М.В.
К вопросу об источниках (формах) уголовно-процессуального права в теории российского уголовного процесса 98

Соловьев С.А.
Показания подозреваемого и обвиняемого через призму процессуальной конструкции благоприятствования защите (*favor defensionis*) 108

Хазиков А.А.
Функция процессуального контроля и способы ее реализации в стадии возбуждения уголовного дела 114

Шемраева Ю.А.
Функциональные пределы процессуального контроля за качеством досудебного производства 120

КРИМИНОЛОГИЯ

Евдокимов К.Н.
К вопросу о понятии, структуре и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации 128

Сотов А.И.
Организованная преступность на Западе – становление и изучение 140

Шестак В.А.
О некоторых характеристиках правопорядка и его составной части – воинского правопорядка 149

КРИМИНАЛИСТИКА

Бессонов А.А.
Познание преступления в рамках теории криминалистической характеристики преступлений 155

Земцова С.И.
К вопросу о формуле специальных знаний в теории криминалистики 162

Камко А.С.
Особенности мошенничества с банковскими картами и АТМ-терминалами в России 168

Кисленко С.Л.
Теоретические основы формирования криминалистической концепции деятельности по поддержанию государственного обвинения в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы и основные гипотезы 183

Костенко Р.В. – доктор юридический профессор (г. Краснодар)

Ларичев В.Д. – доктор юридический профессор (г. Москва)

Малиновский А. – доктор юридический доцент (г. Москва)

Номоконов В.А. – доктор юридический профессор (г. Владивосток)

Победкин А.В. – доктор юридический профессор (г. Москва)

Подольный Н. – доктор юридический (г. Саранск)

Прошляков А. – доктор юридический профессор (г. Екатеринбург)

Семенов В.А. – доктор юридический профессор (г. Краснодар)

Шепитько В.И. – доктор юридический профессор (г. Харьков, Украина)

Издатель – ООО Издатель «Юрлитинформ»

Главный редактор – доктор юридический Волеводз А.Г.

Адрес редакции – г. Москва, ул. Б. Тел.: (495) 697- E-mail: post@b

С.А. Соловьев

ПОКАЗАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ ЗАЩИТЕ (FAVOR DEFENSIONIS)

В статье обосновываются предложения по изменению доказательственной роли показаний подозреваемого и обвиняемого, данных ими на досудебной стадии уголовного судопроизводства, с целью исключения из правоприменительной практики случаев получения признательных показаний путем недозволенных методов ведения следствия; озвучены конкретные тезисы по новой формулировке п. 1 ч. 2 ст. 77 УПК РФ. Представленные предложения изменения уголовно-процессуального законодательства даны во взаимосвязи с элементами процессуальной конструкции благоприятствования защите (*favor defensionis*), такими как презумпция невиновности, бремя доказывания, направленного на восполнение естественного неравенства сторон, существующего при отправлении уголовного правосудия при розыскной форме уголовного процесса на его досудебной стадии.

Ключевые слова: досудебные стадии уголовного судопроизводства; показания подозреваемого и обвиняемого; доказательства по делу; благоприятствование защите; состязательность; презумпция невиновности; неравенство сторон; бремя доказывания; принцип «равенства оружия».

Когда в начале XX в. Л.Е. Владимиров готовил свое «Учение об уголовных доказательствах», он полагал, что получение показаний от подозреваемого или обвиняемого под пыткой является «атавистическим» проявлением «возмутительного, преступного злоупотребления властью», встречающегося, быть может, «в каких-нибудь мрачных подпольях полуазиатских государств» [4, с. 326].

Сегодняшняя практика Европейского Суда по правам человека (далее ЕСПЧ) [7, с. 281–292], тут и там всплывающие в средствах массовой информации случаи получения от лиц, вовлеченных в орбиту уголовного подозрения, признательных показаний путем применения физического насилия свидетельствуют о том,

что данный «атавизм» оказался весьма живуч на ниве отправления правосудия, ибо даже существующие законодательные запреты на подобное «постижение истины», к сожалению, не являются препятствием для «тупых и жестоких людей, которые не прочь возвращению к пытке физической как средству добывания собственного признания» [4, с. 326].

Законодательные изменения, произошедшие в последние годы в уголовном судопроизводстве России, включая в себя расширение сферы применения особого порядка принятия судебного решения (гл. 40 УПК РФ), введение сокращенной формы дознания (гл. 32.1 УПК РФ), объявляемые законодателями через крайне невразумительные доводы о необходимости

разрешения проб
восудия в сфере
волью или не
отправления уго
на возрождение
зательств», под
годы именовал
вины подозрева
стижение котор
органа расслед
В этой связ
причина неувя
способа получе
На мой взгл
заключается в
зреваемого и
судебного разб
ценных доказа
Статьи 76 и 77
щиеся в главе
законодательс
доказательств
ве, недвусмыс
Казалось
процессуальн
крепляет за п
обязанности
возникшего п
ч. 4 ст. 46 и п
ет недопусти
зания указан
допроизводс
стадии разби
в отсутстви
отказа от за
подозреваем
ч. 2 ст. 75 У
расследован
ми получит
лица остае
оперативно
дознательн
Очевид
упрощает
избавляет
и весьма н
кающими
увеличива
но) получ

разрешения проблемы оперативности правосудия в сфере уголовной юстиции, вновь вольно или невольно направили вектор отправления уголовного судопроизводства на возрождение той самой «царицы доказательств», под которой многие мрачные годы именовались собственные признания доныне подозреваемым или обвиняемым, достижение которых ставится главной целью органа расследования [8, с. 159–161].

В этой связи возникает вопрос: в чем причина неуязвимости столь порочного способа получения доказательств по делу?

На мой взгляд, коренная проблема здесь заключается в придании показаниям подозреваемого и обвиняемого на стадии досудебного разбирательства статуса полноценных доказательств по уголовному делу. Статьи 76 и 77 УПК РФ, структурно находящиеся в главе 10 уголовно-процессуального законодательства, раскрывающей понятие доказательств в уголовном судопроизводстве, недвусмысленно об этом говорят.

Казалось бы, действующее уголовно-процессуальное законодательство не закрепляет за подозреваемым и обвиняемым обязанности давать показания по существу возникшего подозрения и обвинения (п. 2 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), признает недопустимыми доказательствами показания указанных участников уголовного судопроизводства, данные в ходе досудебной стадии разбирательства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), однако желание органа расследования любыми путями и способами получить признание от заподозренного лица остается непреходящим для любого оперативного работника, следователя или дознавателя.

Очевидно, что признание существенно упрощает весь ход расследования по делу, избавляет следствие и суд от утомительной и весьма непредсказуемой борьбы с возникающими по его ходу сомнениями, а равно увеличивает шансы (чуть ли не максимально) получения желаемого обвинительного

приговора. Возникает эдакая квази-упрощенная структура методологического принципа «бритвы Оккама», позволяющего не множить сущее (читаем: получать дополнительные доказательства) без необходимости (поскольку есть признание самого подозреваемого или обвиняемого).

Отсюда растут корни той формальной процедурной деятельности органов расследования по закреплению признательных показаний подозреваемого или обвиняемого путем искусственного гипертрофирования количества доказательств в виде оформления одних и тех же признательных показаний в видоизменяемой процессуальной форме, когда текст из компьютерного файла протокола допроса подозреваемого слово в слово переносится в протоколы очных ставок (ст. 192 УПК РФ), проводимых порой с лицами, не дающими показаний по делу, или в протоколы проверок показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). (В моей практике было дело, в котором следствие, преследуя именно означенную цель искусственного увеличения количества доказательств, осуществило в порядке ст. 194 УПК РФ проверку показаний подозреваемого, дающего признательные показания, с той только целью, чтобы он показал участникам следственного действия, где находится здание Правительства К-ой области, в котором работало должностное лицо, подозреваемое в получении взятки, а когда он это исполнил, в протокол проверки показаний на месте было слово в слово перенесен текстовый файл его показаний в качестве подозреваемого)¹.

Еще В.А. Лазарева в своей работе «Доказывание в уголовном процессе» предупреждала об опасности «придания чрезмерной важности концепции процессуальной формы... которая нередко приводит к искусственному увеличению числа доказательств и ложному представлению о наличии их совокупности» [5, с. 61].

Исправление же этой сложившейся порочной системы получения признательных

¹ Архив Центрального районного суда гор. Калининграда. Дело № 1-362/2014 в отношении А-на // Из адвокатской практики автора.

показаний возможно, на мой взгляд, весьма простым способом: законодательным изменением ст. 74 УПК РФ, в соответствии с которым показания подозреваемого и обвиняемого, данные ими на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, могут быть использованы ТОЛЬКО как сведения, сообщаемые подозреваемым или обвиняемым для защиты от возникшего подозрения или предъявленного обвинения.

Это будет полностью соответствовать «основному началу всякого правильного уголовного процесса: *«Nemo tenetur accusare se ipsum»* – никто не обязан сам себя обвинять» [4, с. 324].

Пункт 1 части 2 статьи 74 УПК РФ в этой связи следует изложить в следующей редакции: «в качестве доказательств допускаются ... показания подсудимого, данные им в ходе состязательного судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела по существу».

Аналогичной точки зрения придерживался и Л.Е. Владимиров, утверждавший, что «собственное признание только тогда влечет процессуальные последствия, когда оно дано на суде» [4, с. 330], и Н.А. Терновский, писавший, что «только допрос в суде может считаться полной гарантией того, что сознание дано непринужденно и чисто-сердечно, что подсудимого никто не теснит, не пытается, не склоняет лгать на себя и на других, обещая за это всевозможные выгоды» [10, с. 132].

Исключение показаний подозреваемого и обвиняемого из числа допустимых доказательств по делу повлечет за собой очевидную потерю желания и азарта органа расследования добиться признательных показаний от подозреваемого или обвиняемого любой ценой, так как заведомо будет известно, что использование данных показаний для доказывания обвинения будет невозможно.

Статья 683 Устава уголовного судопроизводства вообще запрещала допрашивать подсудимого, не признающего своей вины, предоставляя тому лишь право дать объяснение в свое оправдание [4, с. 329].

Предвосхищая некоторые возражения и, возможно даже, гневные отповеди на мою инициативу, предъявлю свои доводы обосновывающие процессуальную возможность таких новелл.

Предлагаемая мной трансформация доказательственной роли показаний подозреваемого и обвиняемого на досудебных стадиях вполне укладывается в концептуально оформленные и официально закрепленные в процессуальном законодательстве положения о преимуществах стороны защиты как заведомо слабой из сторон в уголовно-правовом споре.

Такие преимущества издавна именуется благоприятствованием.

Современная теория уголовного процесса предлагает понимать благоприятствование защите (*favor defensionis*) как процессуальную конструкцию, концепция которой предусматривает дополнительную гарантию правам стороны защиты, предоставляемую законодателем сверх механического уравнивания полномочий сторон [6, с. 38].

Придерживаясь данной дефиниции благоприятствования защите, попробуем проанализировать: нарушает ли какие-либо базовые принципы уголовного процесса предлагаемый вариант оценки показаний подозреваемого и обвиняемого.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает, что для придания лицу статуса подозреваемого, а равно для привлечения лица в качестве обвиняемого должны быть достаточные основания и доказательства (по смыслу применения ст.ст. 91, 97, ч. 1 ст. 146 и ч. 1 ст. 171 УПК РФ). При этом, по логике добросовестного расследования, появление этих оснований и доказательств в деле должно быть раньше появления в деле подозреваемого или обвиняемого, ибо кто утверждает, тот должен доказать свое утверждение.

Принцип презумпции невиновности как важнейший элемент процессуальной конструкции благоприятствования защите вносит в эту логическую посылку существенную асимметрию, которая освобождает

по подозреваемого и обвиняемого в доказывании своей вины. В этой связи в том случае, когда показания подозреваемого и обвиняемого расследователю приходится оценивать как доказательства по делу, то такой подход к делу, безусловно, соответствует презумпции невиновности. Читая на данной стадии подготавливая обвиняемого из числа исторических доказательств собственной вины.

«Человеку противно смотреть на себя. Нельзя требовать от него, чтобы он навидел самого себя, чтобы он был своим врагом, как если бы он был своим врагом».

Сведения же, добровольно сообщаемые на данной стадии, свидетельствуют о невиновности (*alibi*), предъявленного обвинения. Этого подозрения реальным доказательствам, а равно готовности к частичному признанию совершаемых ему деяний, в проверены иными уголовными способами.

Достижение же публичности уголовного судопроизводства в конструкции доказательств показаний подозреваемого и обвиняемого можно реализовать путем предоставления лицу того обстоятельство фактических обстоятельств в его показаниях о соучастниках, местонахождении и описания вещественных доказательств, а равно все его сообщения о любых иных обстоятельствах доказыванию в рамках УПК РФ, при подтверждении совокупностью доказательств использования в том числе показаний его собственной вины в совершаемом деянии.

Такой подход поможет минимизировать последствия кардинального изменения кардинального обвиняемым (т.е. обвиняемым).

подозреваемого и обвиняемого от обязанности доказывания своей невиновности. В этой связи в том случае, если показания подозреваемого и обвиняемого на стадии предварительного расследования не будут оцениваться как доказательства по уголовному делу, то такой подход наиболее целостно станет соответствовать принципу презумпции невиновности, так как исключит на данной стадии подозреваемого и обвиняемого из числа источников доказательств собственной вины.

«Человеку противно обличать самого себя. Нельзя требовать от него, чтобы он ненавидел самого себя, чтобы действовал так, как если бы он был своим врагом» [9, с. 132].

Сведения же, добровольно представленные подозреваемым или обвиняемым на данной стадии, свидетельствующие о невиновности (*alibi*), несоответствии предъявленного обвинения или возникшего подозрения реальным фактическим обстоятельствам, а равно говорящие о полном или частичном признании лица в инкриминируемых ему деяниях, всегда могут быть проверены иными уголовно-процессуальными способами.

Достижение же публичных интересов уголовного судопроизводства при такой конструкции доказательственной силы показаний подозреваемого или обвиняемого можно реализовать путем разъяснения этому лицу того обстоятельства, что сведения о фактических обстоятельствах, изложенные в его показаниях относительно иных соучастников, местонахождения, характера и описания вещественных доказательств, а равно все его сообщения относительно любых иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках требований ст. 73 УПК РФ, при подтверждении их иной совокупностью доказательств могут быть использованы в том числе и для доказывания его собственной вины в инкриминируемом деянии.

Такой подход поможет существенным образом минимизировать отрицательные последствия кардинального изменения обвиняемым (подсудимым) своих пока-

заний непосредственно в ходе судебного разбирательства.

При предлагаемой системе оценки показаний подозреваемого и обвиняемого на досудебной стадии бремя доказывания (*onus probandi*) будет рассматриваться как *право защиты*, которым эта сторона будет иметь реальную возможность распорядиться по своему усмотрению, что, на взгляд автора, в полной мере будет являться реализацией стороной защиты той ее активной формы, к которой, безусловно, относится сам факт дачи показаний подозреваемого или обвиняемого.

Более того, как уже указывалось выше, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением не исключает изложения им своей позиции по этому делу, что может являться процессуальным способом реализации таким обвиняемым своего права на рассмотрение его дела в рамках глав 40 и 40.1 УПК РФ.

Предлагаемые изменения находятся в полном соответствии с уже имеющейся законодательной возможностью подозреваемых и обвиняемых не давать каких-либо показаний по существу возникших подозрений и предъявленного обвинения, однако тот факт, что даже данные ими на данной стадии показания не смогут являться надлежащими доказательствами при судебном разбирательстве, сделает необходимость добиться от привлеченного лица признания во что бы то ни стало просто бессмысленным.

Не повлияют предлагаемые изменения и на справедливость уголовного процесса в свете позиций ЕСПЧ, которые «прямо не указаны в ст. 6 Европейской конвенции по правам человека, но вытекают из буквы и духа данной нормы» [10, с. 174].

Так, одним из принципов справедливости уголовного процесса ЕСПЧ рассматривает «равенство оружия» (*equality of arms*), трактуемый как справедливый баланс между сторонами в уголовно-правовом споре [1, с. 344–361; 2, с. 67–75; 3, с. 101–110]. Полагаю, что предложенные в статье изменения доказательственной оценки показаний подозреваемого и обвиняемого на досу-

дебной стадии судопроизводства ни в коей мере не нарушают данный принцип, так как даже в действующей редакции ч. 2 ст. 77 УПК РФ указывается, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств.

Как было указано выше, при наличии желания лицо может сделать соответствующее признание, маркируемое как допустимое доказательство, непосредственно в ходе судебного разбирательства, где получение от него признания недопустимыми методами практически исключено и где эти показания либо будут находиться в причинно-следственной взаимосвязи с полученными на стадии предварительного следствия доказательствами, либо будут противоречить им и опровергаться ими.

В любом случае признательные показания подозреваемого и обвиняемого должны быть необязательным включением в ту совокупность доказательств, которая позволяет добиться назначений уголовного судопроизводства, предусмотренных ст. 6 УПК РФ.

Не ущемляет заявленный подход и возможности органа расследования оперировать показаниями подозреваемого или обвиняемого, если тот сочтет нужным их дать на стадии предварительного расследования, однако сам факт, что данные показания не имеют доказательственного значения, будет веским элементом процессуальной конструкции благоприятствования защите, заставляющего государство в лице уполномоченного органа исполнить свою обязанность по собиранию доказательств как изобличающего, так и оправдывающего характера без привлечения к этой деятельности самого подозреваемого или обвиняемого и, что более важно, без получения от них признаний путем насилия, угроз, шантажа или иных незаконных методов.

Проверка сведений, сообщенных подозреваемым или обвиняемым на стадии предварительного расследования, не исключает получение на данной стадии органом расследования полноценных доказательств.

Производными доказательствами показаний подозреваемого и обвиняемого на досудебной стадии процесса являются протоколы очных ставок (ст. 192 УПК РФ) и протоколы проверки показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). При предлагаемой оценке показаний подозреваемого и обвиняемого проведение данных следственных действий можно было бы равноценно заменить судебным допросом свидетеля, проводимого при рассмотрении дела по существу в непосредственном участии подсудимого, что позволит избежать вкособственности в сторону защиты (не секрет, что в настоящий момент при производстве очной ставки лицо, ее производящее, очень часто отводит все вопросы защиты, которые не укладываются в канву предъявленного обвинения или возникшего подозрения, в результате чего *de jure* возможность задать вопросы изобличающему подозреваемого или обвиняемого свидетелю была, а *de facto* она не была реализована в результате властного поведения органа расследования).

Проверку же показаний на месте очевидно можно заменить дополнительным осмотром места происшествия с участием подозреваемого или обвиняемого, при котором фиксируются не его показания, а фактическая обстановка осматриваемого места, обнаруживаемые предметы, документы и иные обстоятельства, имеющие отношение к расследуемому событию.

Такой подход позволит изменить укрупнившуюся практику планомерного размножения доказательств, построенных на единственных признательных показаниях привлеченного к уголовной ответственности лица.

Подводя итог, можно утверждать, что у озвученного предложения по исключению из числа доказательств показаний подозреваемого и обвиняемого, данных на стадии предварительного расследования, много положительных моментов, которые не декларативно, а вполне реально будут работать на совершенствование процессуальной конструкции благоприятствования защите.

Соловьев С.А. Показания
Во-первых, исчезновение к подозреваемым недозволенных методов значительных показаний в оправдательной цели оправдывает целесообразности.

Позитивность таких заключаться в повышении к состоявшимся судебным как всем будет достоверности казательства органа расследования к полученному не признанию обвиняемого к совокупности доказательств в число которых не входит признание.

Очевидно и другие заявления привлеченных лиц о применении методов следствия признательных показаний.

Пр

1. Волеводз А.Г. Обеспечение права на справедливый суд и практика Европейского суда по правам человека // Журнал. 2013. № 3.
2. Волеводз А.Г. Обеспечение права на справедливый суд в свете практики Европейского суда по правам человека // С. 67–75.
3. Волеводз А.Г. Проблемы обеспечения права на справедливый суд // отв. ред. В.В. Векшин. М.: Юристъ, 2013. С. 281–292.
4. Владимиров Л.Е.
5. Лазарева В.А. Доказательства в уголовном процессе // С. 281–292.
6. Михеенкова М.А. Уголовный процесс // С. 281–292.
7. Никонов М.А. Уголовный процесс // С. 281–292.
8. Новиков С.А. Судебный процесс в уголовном процессе // С. 281–292.
9. Терновский Н.А. Судебный процесс в уголовном процессе // С. 281–292.
10. Шестакова Л.А. Судебный процесс в уголовном процессе // С. 281–292.

Во-первых, исчезнет повод для применения к подозреваемым и обвиняемым незаконных методов получения признательных показаний, что уже с лихвой оправдает целесообразность таких изменений.

Позитивность таких изменений будет заключаться в повышении доверия граждан к состоявшимся судебным решениям, так как всем будет достоверно известно, что доказательства органа расследования свелись к полученному неизвестным способом признанию обвиняемого, а имеет место некая совокупность доказательств его вины, в число которых не входит его собственное признание.

Очевидно и другое, что на спад пойдут заявления привлеченных к ответственности лиц о применении к ним незаконных методов следствия в целях получения признательных показаний, что опять только

положительно скажется на доверии к правоохранительным органам и судебной системе в Российской Федерации.

Во-вторых, предлагаемые изменения заставят органы расследования более тщательно обращаться с доказательствами, методами и способами их получения и закрепления, что исключительно положительно скажется на качестве предварительного расследования и дознания, сократит возможность судебной ошибки в виде осуждения невиновного, но вымученно признавшегося привлеченного к уголовной ответственности лица.

Российская уголовно-правовая история, к огромному сожалению, знает такие примеры. Предлагаемые новеллы уголовно-процессуального законодательства если не исключат их полностью из практики, то, на мой взгляд, существенно сократят их количество.

Пристатейный библиографический список

1. Волеводз А.Г. Обеспечение права обвиняемого на вызов и допрос свидетеля как гарантия права на справедливое судебное разбирательство: международно-правовое регулирование и практика Европейского Суда по правам человека // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 3. С. 344–361.
2. Волеводз А.Г. Обеспечение явки свидетеля в суд: отечественное правовое регулирование в свете практики Европейского Суда по правам человека // Уголовное право. 2013. № 3. С. 67–75.
3. Волеводз А.Г. Практика Европейского Суда по правам человека по жалобам на необеспечение явки и допроса свидетеля // Вопросы правовой теории и практики: сб. науч. трудов / отв. ред. В.В. Векленко. Вып. 8. Омск: Омская академия МВД России, 2013. С. 101–110.
4. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000.
5. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М.: Высшее образование, 2009.
6. Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2014.
7. Никонов М.А. Условия справедливого судебного разбирательства как критерии оценки доказательственных материалов на предмет их допустимости: уголовно-процессуальный аспект // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. № 1. С. 281–292.
8. Новиков С.А. Собственное признание вины — «*regina probationum*» современного российского уголовного процесса? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2. С. 159–171.
9. Терновский Н.А. Юридические основания достоверности доказательств. 1901. Тула. // цитируется по М.: Зерцало. Система Гарант, 2007.
10. Шестакова Л.А. Правовой анализ практики Европейского Суда по правам человека по уголовным делам, связанным с нарушением принципа справедливого судебного разбирательства // Основы экономики, управления и права. 2012. № 1 (1). Некоммерческое партнерство «Институт анализа экономики города и региона». Самара, 2012.